

Никандрова И. А. Синтагматический аспект функционирования глаголов разных лексико-семантических групп в художественном дискурсе романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» / И. А. Никандрова // Научный диалог. — 2014. — № 10 (34) : Филология. — С. 19–38.

УДК 821.161.1Достоевский.08

Синтагматический аспект функционирования глаголов разных лексико-семантических групп в художественном дискурсе романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание»

И. А. Никандрова

Статья выполнена в русле исследований языка художественной литературы. Рассматриваются синтагматические особенности разных лексико-семантических групп глаголов в художественном дискурсе романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание». Цель статьи — выявление и описание таких особенностей. Определяется характер синтагматических отношений компонентов в структуре группы. Изучаются грамматические модели простых предложений, в которых функционируют анализируемые глагольные единицы, и их элементарный состав: субъект, предикат, объектные и обстоятельственные определители. Синтагматический анализ показывает синтаксическую значимость объектных и обстоятельственных определителей для той или иной модели глагольного предложения. Например, показано, что сочетаемость глаголов речевой деятельности с обстоятельственными определителями образа и способа действия является для данной лексико-семантической группы самой характерной. В свою очередь, глаголы движения и перемещения обнаруживают в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» ограниченные синтагматические возможности: глаголы данной ЛСГ в основном употребляются без распространителей. Анализ синтагматики

глаголов разных лексико-семантических групп показывает, что глагольные единицы представляют собой сложно организованную систему ключевых слов, посредством которых создается образ того или иного героя.

Ключевые слова: персонаж; лексико-семантическая группа; синтагматические отношения; конститутивные определители предиката; неконститутивные определители предиката; целенаправленный глагол; нецеленаправленный глагол; Достоевский.

1. Вводные замечания

В основе парадигматических отношений между глаголами в лексико-семантической группе (ЛСГ) лежит не только семантический аспект, но и грамматический. Грамматические категории, обладающие в системе языка специальными формами выражения, по отношению к лексической семантике могут быть охарактеризованы как дифференцирующие, так как являются средствами внешней объективации семантических различий между словами и семантического сходства между ними [Шарандин, 1982]. Стоит отметить, что языковые единицы, употребленные в речи, формируют грамматическое значение под влиянием контекста, который снимает многозначность слова как виртуального знака [Золотова, 1973]. Слово как виртуальный знак обладает способностью к контекстуальному варьированию — как лексическому, так и грамматическому, в процессе которого отдельные коммуникативно существенные компоненты в его грамматическом содержании актуализируются, другие отходят на второй план [Бондарко, 1969].

Работа с художественным текстом позволяет уточнить состав лексико-семантических групп глаголов, определить характер синтагматических отношений компонентов в структуре группы, выявить их синтагматические особенности, а также определить роль ЛСГ в репрезентации персонажа произведения. Чтобы проиллюстрировать это, обратимся к ЛСГ глаголов, представленных в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» и участвующих в репрезен-

тации образов Раскольников и Порфирия Петровича. Материал будет проанализирован последовательно в соответствии с выделенными нами ЛСГ глаголов.

2. Глаголы речевого действия

Функционируя в пространстве художественного текста, глаголы речи обнаруживают избирательность по отношению к определенным грамматическим значениям.

В целом глаголы речевого действия в тексте романа употребляются в элементарных грамматических моделях в основном только личных конструкций, так как речевое действие порождается субъектом и управляется им. Субъектом действия речевых глаголов обычно выступают одушевленные имена существительные в им. п. или заменяющие их личные местоимения: *Порфирий Петрович прямо обратился к Раскольникову...* [Достоевский, 1980, с. 276]; — *Давайте! — сказал он грубо* [Там же, с. 10].

Исключение в этом плане представляет глагол *вырваться* (*вырвалось*), субъектом действия которого выступает неодушевленное имя существительное *проклятие*: *Проклятие вырвалось из души его* [Там же, с. 65].

Единичны случаи употребления речевых глаголов *сорвалось* и *выговорилось* в составе безличной конструкции как примеры независимости речевого процесса от деятеля: — *Э, вздор! Не верьте! А впрочем, ведь вы и без того не верите! — слишком уж со зла сорвалось у Раскольникова* [Там же, с. 333]; *Он и не думал этого сказать, а так само собой вдруг выговорилось* [Там же, с. 110].

С точки зрения наличия / отсутствия объекта в основной конструкции с глаголами речевого действия являются безобъектными, так как в контексте речевые глаголы обозначают преимущественно нецеленаправленные действия (*говорю, проговорюсь, сказал, заговорил, проговорил, продолжал, повторил, молчал, произнес, скажите, выразились, прибавлю, крикнул* и др.).

Объектные конструкции с глаголами речевого действия редки и функционируют при участии немногих глаголов целенаправленного действия и объектных определителей со значением адресата или содержания речи. Объектные определители при глаголах речевого действия могут представлять как прямой объект, так и косвенный. При этом позиция прямого объекта заполняется словоформами вин. п. без предлога: «*Что ж это он, за кого меня принимает?*» — с изумлением **спрашивал** себя Раскольников [Достоевский, 1980, с. 394]

Словоформы со значением прямого объекта при глаголах речевого действия выступают в роли конститутивных определителей предиката. Позиция косвенного объекта при глаголах речевого действия заполняется предметными именами в вин. п. с предлогом, в других косвенных падежах или заменяющими их местоимениями: — *А это я ловко про квартиру **вернул**: потом пригодится!* [Достоевский, 1980, с. 278]; — *Вы извините, пожалуйста, — **обратился** он со вздрагивающими губами к Порфирию* [Там же, с. 277].

Конструкции с глаголами речевого действия характеризуются в значительной степени присутствием обстоятельственных определителей со значением образа и способа действия, меры и степени. При этом обстоятельственная позиция заполняется:

а) наречиями: — *Уж как божий промысел замешается, так уж тут ничего не поделаешь, — **угрюмо проворчал** Раскольников* [Там же, с. 427]; — *Нет, вы, я вижу, не верите-с, думаете все, что я вам шуточки невинные подвожу, — **холодно подхватил** Порфирий Петрович* [Там же, с. 178] *Он нарочно пошевелился и что-то **погромче пробормотал**...* [Там же, с. 109];

б) именами существительными с предлогами: — *Как бог приведет-с, как бог приведет-с! — **пробормотал** Порфирий с искривившеюся как-то **улыбкой*** [Там же, с. 380];

в) деепричастными оборотами: — *Батюшка, испейте, — **шептал** он (Порфирий Петрович), бросаясь к нему с графином, — авось поможет* [Там же, с. 287].

В наблюдаемом нами материале для предложений с глаголами речевой деятельности объектный компонент не типичен, что обусловлено дискурсом художественного текста, но типичен обстоятельный компонент.

Все обстоятельственные компоненты в анализируемых примерах являются неконститутивными определителями речевых предикатов. Не входя в обязательный состав грамматической модели предложений, они уточняют содержание глагола и конкретизируют семантику высказывания, передают «тонкие» оттенки речевых действий персонажей, индивидуальные особенности их речевого процесса и одновременно — психологического состояния. Сочетаемость глаголов речевой деятельности с обстоятельными определителями образа и способа действия является для данной ЛСГ самой характерной.

3. Глаголы ментального действия

Глаголы ментального действия (*думать, соображать, рассудить, развивать, выводить, знать, сочинять, выдумать, мелькнуть, думаться, озарить, рассчитать, решить* и др.) в тексте романа Ф. М. Достоевского в основном употребляются в личных конструкциях.

Субъектом ментального действия обычно выступают:

а) одушевленные имена существительные или заменяющие их личные местоимения 1-го, 2-го, 3-го лица: «*Фу, как это явно и нагло!*» — с отворачиванием *подумал Раскольников* [Достоевский, 1980, с. 289]; *Он вспомнил* потом, что был даже очень внимателен, осторожен; старался все не запачкаться... [Там же, с. 112]; *Лжете вы все!* — вскричал он, — *я не знаю* ваших целей, но вы все лжете... [Там же, с. 306]; *Теперь почти готово... казенная квартира, знаете, это славная вещь, — а? Как вы думаете?* (Порфирий Петрович) [Там же, с. 293];

б) неодушевленные имена существительные (*статьейка, мысль, минута, шляпа* и т. п.): — *По поводу всех этих вопросов, преступлений, среды, девочек мне вспомнилась теперь, — а впрочем, и всегда интересовала меня, — одна ваша статейка* [Там же, с. 281]; *Тут*

вспомнилась ему его шляпа (Раскольников) [Там же, с. 65]; *Вспоминая об этом после, ярко, ясно, эта минута отчеканилась в нем навеки* [Там же, с. 109].

Нетипичными являются случаи употребления глаголов ментального действия *думалось, мелькнуло, рассудилось* в составе безличной конструкции, как примеры иллюстрации независимости ментального процесса от деятеля: *«Красное, ну а на красном кровь неприметнее», — рассудилось было ему, и вдруг он опомнился...* [Там же, с. 113].

С точки зрения наличия / отсутствия объекта личные и безличные конструкции с глаголами ментального действия делятся на безобъектные и объектные.

Безобъектные конструкции с глаголами ментального действия (личные и безличные) функционируют при участии глаголов нецеленаправленного процесса: *«Господи! С ума, что ли, я схожу?» — подумал он в испуге* [Там же]; *«Так, верно, те, которых ведут на казнь, прилепливаются мыслями ко всем предметам, которые им встречаются на дороге», — мелькнуло у него в голове...* [Там же, с. 65–66].

Объектные конструкции (личные и безличные) реализуются при участии глаголов ментального действия и объектных определителей. В личных конструкциях с глаголами ментального действия объектные определители могут представлять как прямой объект, так и косвенный. При этом позиция прямого объекта заполняется существительными или заменяющими их местоимениями в вин. п. без предлога в присутствии глаголов целенаправленного мышления: — *Теорию выдумал, да и стыдно стало, что сорвалось, что уж очень не оригинально вышло!* [Достоевский, 1980, с. 403]; *Раскольников почувствовал прилив какого-то нового испуга. Мысль о том, что Порфирий считает его за невинного, начала вдруг пугать его* [Там же, с. 396].

Словоформы со значением прямого объекта при глаголах ментального действия выступают в роли конститутивных определителей предиката.

Позиция косвенного объекта характерна как для личных, так и безличных конструкций и заполняется местоимениями в род. п. с предлогом, дат. п. без предлога и в предл. п. с предлогом в присутствии глаголов нецеленаправленного процесса мышления: *«Неужели, неужели, — мелькало в нем, — он лжет и теперь? Невозможно, невозможно!» — отталкивал он (Раскольников) от себя эту мысль, чувствуя заранее, до какой степени бешенства и ярости может она довести его, чувствуя, что от бешенства с ума сойти может* [Там же, с. 304]; *Тут ему вспомнились его собственные прогулки по Сенной, и он на минуту очнулся* [Там же, с. 65]; *Все тверже и тверже укреплялась в нем мысль, что если бы действительно этот загадочный вчерашний человек, этот призрак, явившийся из-под земли, все знал и все видел, — так разве дали бы ему, Раскольникову, так стоять теперь и спокойно ждать?* [Там же, с. 291].

Словоформы со значением косвенного объекта при глаголах ментального действия в личных конструкциях выступают в роли неконститутивных определителей предиката, в безличных конструкциях — в роли конститутивных определителей предиката.

Личные и безличные конструкции с глаголами ментального действия характеризуются также присутствием обстоятельственных определителей. При этом в личных конструкциях обстоятельственная позиция заполняется:

а) наречиями образа и способа действия, меры и степени действия: — *«Это что еще!» — тревожно подумал Раскольников* [Достоевский, 1980, с. 273]; *Порфирий точно угадал его мысли* [Там же, с. 394]; *У него был еще складной садовый ножик; но на нож, и особенно на свои силы, он (Раскольников) не надеялся, а потому и остановился на топоре окончательно* [Там же, с. 62];

б) предложно-падежными словоформами со значением места и времени действия: — *Далее, помнится мне, я развиваю в моей статье, что все... ну, например, хоть законодатели и установители человечества, начиная с древнейших, продолжая Ликургами, Соломо-*

нами, Магометами, Наполеонами и так далее, все до единого были преступники... (Раскольников) [Там же, с. 283];

в) одиночными деепричастиями: «Урок хорош! — **думал он, холодея**. — Это даже уж и не кошка с мышью, как вчера было» [Там же, с. 299].

В безличных конструкциях с глаголами ментального действия обстоятельственная позиция замещается:

а) наречиями образа действия: «Он, однако ж, мне обе руки-то протянул, а ни одной ведь не дал, отнял вовремя», — **мелькнуло** в нем (Раскольников) **подозрительно** [Там же, с. 292];

б) предложно-падежными словоформами со значением места: «Так, верно, те, которых ведут на казнь, прилепливаются мыслями ко всем предметам, которые им встречаются на дороге», — **мелькнуло** у него **в голове**... [Там же, с. 65—66].

Обстоятельственные определители глаголов ментального действия в личных и безличных моделях предложений являются неконститутивными компонентами.

Итак, глаголы, составляющие ментальное семантическое поле, характеризуются семами субъектности и объектности и употребляются как в личных, так и в безличных конструкциях. Если субъект действия представлен одушевленным именем существительным, то глаголы ментального действия реализуют в основном прямое значение; если в роли субъекта выступает неодушевленное существительное, то это свидетельствует об актуализации этими глаголами переносных значений. Переносное значение глаголов мышления манифестируется в синтаксической модели, в которой позицию субъекта замещают существительные *минута*, *мысль* и под.

Обстоятельственные компоненты являются типичными для предложений, формируемых глаголами ментальной деятельности. Характеризуя синтагматические отношения между глаголами мысли и обстоятельственными определителями, надо отметить, что они отличаются избирательностью в семантическом плане. Связи глаголов

ментальной деятельности с обстоятельственными компонентами образа и способа действия, меры и степени являются наиболее востребованными. Автор романа сознательно мало употребляет обстоятельственные компоненты с другой семантикой. Обстоятельства образа и способа действия при глаголах ментальной деятельности выражаются чаще всего словами, фиксирующими сложность ментального действия, указывают на неожиданное появление мысли. Вторжение роковой, таинственной силы в судьбу Раскольникова происходит неожиданно, что приводит героя в смятение. Словоформа *вдруг* включается как в безличные предложения, описывающие внутреннее состояние лица — Родиона Романовича Раскольникова и Порфирия Петровича, так и в личные конструкции, имеющие в своем составе языковые единицы ЛСГ мысли. Действия персонажей Достоевского постоянно выходят из-под контроля: не герой совершает поступок, а с ним или в нем что-то совершается, с ним что-то делается, что и выражается наречием *вдруг*.

4. Глаголы движения

Глаголы движения и перемещения (*броситься, остановиться, убежать, пройти, идти, постоять, воротиться, двигаться* и т. п.) в тексте романа употребляются в элементарных грамматических моделях в основном личных конструкций в форме прошедшего времени, так как изображаемые движения и перемещения совершаются лицами. При этом субъектом действия выступают одушевленные имена существительные или заменяющие их местоимения 3-го лица ед. ч.: — *Так мы еще увидимся?* — и Порфирий *остановился перед ним с улыбкой* [Достоевский, 1980, с. 311]; — *Боже мой! Надо бежать, бежать!» — пробормотал он (Раскольников) и бросился в переднюю* [Там же, с. 115].

С точки зрения наличия / отсутствия объекта конструкции с глаголами движения и перемещения бывают, как правило, безобъектными, так как обладают свойством непереходности, исключая глаголы

прошел (подворотню) и сходить (свои 13 ступеней), а большинство глаголов — еще и свойством нецеленаправленности. Немногие глаголы могут обозначать целенаправленное движение и перемещение, а потому иметь при себе объектные определители (косвенные объекты), которые имеют тенденцию употребляться в основном в форме существительного или личного местоимения дательного падежа с предлогом *к* (*отшатнулся к спинке, направился было к нему, бросился к двери, кинулся к нему, подскочил к нему, шел к старухе*), в единичных случаях — в других формах: *Он чувствовал, что теряется, что ему почти страшно, до того страшно, что, кажется, смотри она так, не говори ни слова еще с полминуты, то он бы убежал от нее* [Там же, с. 110]; *Чувство бесконечного отворачивания, начинавшее давить его сердце еще в то время, как он только шел к старухе, достигло теперь такого размера и так ярко выяснилось, что он не знал, куда деться от тоски своей* [Там же, с. 11]; *Он (Раскольников) прямо уселся перед Порфирием и, не смигнув, смотрел на него* [Там же, с. 393].

В данных примерах семантика объектных определителей глаголов движения и перемещения осложняется обстоятельственной семантикой с локальным оттенком. Косвенный объект при глаголах движения и перемещения выступает в роли неконститутивного определителя предиката.

Конструкции с глаголами движения и перемещения характеризуются присутствием обстоятельственных определителей, при этом обстоятельственная позиция заполняется:

а) наречиями со значением образа и способа действия, меры и степени: *Порфирий Петрович мигом воротился* [Достоевский, 1980, с. 151]; *...все эти мучения до того его (Раскольникова) обессилили, что он едва двигался* [Там же, с. 120];

б) предложно-падежными словоформами со значением образа и способа действия: *Порфирий Петрович приостановился с достоинством* [Там же, с. 396];

в) деепричастиями, деепричастными оборотами со значением образа и способа действия: *Он шел дорогой тихо и степенно, не торопясь, чтобы не подать каких подозрений (Раскольников)* [Там же, с. 65];

г) наречиями и предложно-падежными словоформами со значением места: *...он (Раскольников) мигом проскользнул направо* [Там же, с. 108]; *Он бросился стремглав на топор (это был топор) и вытащил его из-под лавки, где он лежал между двумя пеленами; тут же, не выходя, прикрепил его к петле... и вышел из дворницкой; никто не заметил!* [Там же, с. 65];

д) синтаксически неделимыми сочетаниями со значением времени: *Раскольников вскочил с дивана, постоял было несколько секунд и сел опять, не говоря ни слова* [Там же, с. 400]; *Порфирий Петрович несколько мгновений стоял, как бы вдумываясь, но вдруг опять вспорхнул и замахал рукавами на непрошенных свидетелей* [Там же, с. 310].

Обстоятельственные определители глаголов движения и перемещения характеризуются разнообразием форм выражения и семантики и неоднозначностью в плане востребованности. С точки зрения семантики более продуктивны в тексте романа Ф. М. Достоевского обстоятельственные определители со значением качественной характеристики действия или интенсивности, менее продуктивны — обстоятельственные определители со значением места и времени. По форме выражения более продуктивны в анализируемом тексте наречные словоформы.

Взаимоотношения глаголов движения с обстоятельственными компонентами образа и способа действия, места и времени являются для слов группы характерными, так как категориально-лексическая сема слов группы «Движение» задает аспекты своего уточнения именно в данной обстоятельной позиции в синтагматике. Обстоятельства в данных примерах являются неконститутивными определителями предикатов. В романе Ф. М. Достоевского «Престу-

пление и наказание» глаголы движения и перемещения обнаруживают ограниченные синтагматические возможности: глаголы данной ЛСГ в основном употребляются без распространителей и не требуют определенных словоформ.

5. Глаголы физического действия

Глаголы физического действия (*сжать, схватить, взмахнуть, замахать, вынуть, намахнуться* и т. п.) в тексте романа употребляются только в личных конструкциях, в форме прошедшего времени. При этом субъектом действия выступают одушевленные имена существительные или заменяющие их местоимения 3-го лица ед. ч.: *Порфирий быстро **отвернулся** и побежал **отворить** окно* [Там же, с. 302]; *Он **бросился** к двери, **прислушался**, **схватил** шляпу и стал **сходить** вниз свои **тринадцать ступеней**, **осторожно**, **неслышно**, как кошка (Раскольников)* [Там же, с. 62].

Внутренний мир персонажей находит свое отражение в их поведении: герои Достоевского хохочут, кричат, бегают. С точки зрения наличия / отсутствия объекта личные конструкции с глаголами физического действия могут быть преимущественно объектными. Они функционируют при участии объектных определителей, которые могут обозначать прямой объект или косвенный. При этом позиция прямого объекта заполняется предметными существительными в вин. или род. п. без предлога: *Он **бросился** к двери, **прислушался**, **схватил** шляпу и стал **сходить** вниз свои **тринадцать ступеней**, **осторожно**, **неслышно**, как кошка (Раскольников)* [Там же]; *Много окон, выходявших на этот огромный квадратный двор, было **отперто** в эту минуту, но он (Раскольников) **не поднял головы** — силы не было* [Там же, с. 108].

Позиция косвенного объекта в конструкциях с глаголами физического действия представлена существительными в твор. п. без предлога, в дат. и вин. п. с предлогами: *Порфирий Петрович несколько мгновений стоял, как бы **вдумываясь**, но **вдруг** опять **вспорхнулся** и*

замахал руками на непрошенных свидетелей... [Там же, с. 310]; *Он (Раскольников) не выдержал, медленно протянул руку к колокольчику и позвонил* [Там же, с. 109].

Конструкции с глаголами физического действия характеризуются также возможностью включать обстоятельственные определители:

а) наречия и существительные в твор. п. с предлогом и без предлога со значениями образа и способа, меры и степени действия: ... *молодой человек вдруг остановился и судорожно схватился* за свою шляпу [Достоевский, 1980, с. 7]; *Он растянул пальто и высвободил топор из петли, но еще не вынул совсем, а только придерживал правой рукой под одеждой* [Там же, с. 111]; *Раскольников ... пожал ему руку все еще с видимым чрезвычайным усилием* подавить свою веселость и, по крайней мере, хоть два-три слова выговорить, чтоб откомендовать себя [Там же, с. 272];

б) наречия, существительные с предлогами, со значением места и времени: *Ключи он (Раскольников) тотчас же вынул; все, как и тогда, были в одной связке, на одном стальном обручке* [Там же, с. 112]; *Он растянул пальто и высвободил топор из петли, но еще не вынул совсем, а только придерживал правой рукой под одеждой* [Там же, с. 111].

Глаголы физического действия употребляются в своей основной синтаксической функции — сказуемого двусоставного предложения; глаголы ЛСГ физического действия не употребляются в безличной конструкции, что определяется закономерным влиянием их семантики на синтагматику данной лексико-семантической группы: физическое действие не может совершаться независимо от субъекта. В функции субъекта при глаголах, обозначающих физическое действие, выступают только слова, обладающие значением лица, так как все предикаты ЛСГ глаголов физического действия употребляются в прямом значении. В наблюдаемом нами материале с глаголами физического действия позиция объекта требует обязательной заполняемости (*схватить топор, взмахнуть топором, замахать руками,*

пожать руку, стиснуть ладонями голову) и в указанных синтаксических моделях объекты выступают в роли конститутивных членов предложения.

6. Глаголы восприятия

Глаголы восприятия (*поглядеть, посмотреть, увидеть, рассматривать, оглядеться, прислушиваться, наблюдать, осмотреть* и т. п.) в тексте романа в основном употребляются в личных конструкциях. Они используются в форме муж. рода ед. числа прош. вр., где субъектом действия выступают, как правило, одушевленные имена существительные (единичные — неодушевленные) или заменяющие их местоимения 3-го лица ед. числа: *Раскольников и не расслышал сначала* [Достоевский, 1980, с. 117]; *Он стоял, смотрел и не верил глазам своим: дверь.., в которую он давеча звонил и вошел, стояла отпертая...* [Там же, с. 115]; *Он уже сошел три лестницы, как вдруг слышался шум* [Там же, с. 119].

Исключение составляет глагол в форме множ. числа прош. вр. при неодушевленном имени существительном: *Он уже ступил было шаг на лестницу, как вдруг опять слышались чьи-то новые шаги* [Там же, с. 116].

В единственной безличной конструкции глагол восприятия употреблен в безличной форме для характеристики внешней обстановки: *Мгновение спустя слышалось, что снимают замок* [Там же].

С точки зрения наличия / отсутствия объекта конструкции с глаголами восприятия делятся на безобъектные и объектные. Безобъектные конструкции функционируют при участии глаголов нецеленаправленного действия, при которых не может быть объекта (обычно это глаголы, обозначающие восприятия звука): *Молодой человек, оставшись один среди комнаты, любопытно прислушивался и сообщал* [Там же, с. 54].

Объектные конструкции (обычно это глаголы, обозначающие зрительные восприятия) реализуются при наличии у глаголов значения

целенаправленного действия и объектных определителей, которые могут представлять как прямой, так и косвенный объект. При этом позиция прямого объекта заполняется неодушевленными именами существительными в вин. п. без предлога или заменяющими их местоимениями: *Затем, сколько позволял свет в тусклой кухне, **осмотрел пальто, панталоны, сапоги** (Раскольников)* [Достоевский, 1980, с. 115]; *...И быстрым **взглядом окинул он** (Раскольников) **все** в комнате, чтобы по возможности изучить и запомнить расположение* [Там же, с. 9]. Словоформы, функционирующие в качестве прямого объекта, являются конститутивными определителями предиката.

Позиция косвенного объекта при глаголах восприятия в тексте романа заполняется именами существительными в вин. п. с предлогами *на* (чаще), *в* (реже) или заменяющими их местоимениями: *Он (Раскольников) непрерывно **взглядывал на чиновника**, конечно, и потому еще, что и сам тот упорно **смотрел на него**, и видно было, что тому очень хотелось начать разговор* [Там же, с. 12].

В модели предложения с глаголами восприятия косвенный объект выступает в качестве конститутивного определителя предиката. В наблюдаемых нами конструкциях с глаголами слухового и зрительного восприятия объектный компонент более типичен при глаголах зрительного восприятия, чем слухового. Таким образом, глаголы зрительного восприятия в основном включаются в семантическую модель «субъект — процесс восприятия — объект восприятия».

Конструкции с глаголами восприятия характеризуются способностью включать в свой состав обстоятельственные определители, позицию которых занимают:

а) наречия, предложно-падежные словоформы и деепричастные обороты со значением образа и способа действия: *...И **вдруг Порфирий Петрович как-то явно насмешиливо посмотрел на него, прищурившись и как бы ему подмигнув*** [Достоевский, 1980, с. 274];

б) наречия и неделимые сочетания со значением меры и степени: ***Мало глядел он** (Раскольников) **на прохожих**, даже старался совсем*

не глядеть на лица и быть как можно неприметнее [Там же, с. 65];
Затем огляделся в последний раз, подобрался, оправился и еще раз попробовал в петле топор [Там же, с. 109];

в) наречия и предложно-падежные словоформы со значением времени и места: *...И быстрым **взглядом** окинул он (Раскольников) все **в комнате**, чтобы по возможности изучить и запомнить расположение* [Там же, с. 9]; — *Почему же комическая-с? – **тотчас навострил уши** Порфирий Петрович, тоже повернувшийся было уйти* [Там же, с. 375].

При глаголах восприятия употребляются обстоятельства способа и образа действия, меры и степени, редко — места и времени. Все обстоятельства в данных конструкциях являются неконститутивными определителями предикатов восприятия, однако типичными. В таких высказываниях главное внимание сосредоточивается на процессе восприятия, способе его протекания, поэтому он уточняется за счет обстоятельственных компонентов, которые отличаются определенной авторской избирательностью в семантическом плане.

7. Глаголы эмоционального состояния

Глаголы эмоционального состояния (*смеяться, усмехнуться, удивиться, встрепунуться, потрясти, подивиться, засмеяться* и т. п.) в тексте романа употребляются в моделях личных конструкций, где они используются только в личной форме, и, за редким исключением, только в форме прошедшего времени, при этом в качестве субъекта действия выступают:

а) одушевленные имена существительные со значением лица или заменяющие их местоимения: *...тут он (Раскольников) весь вдруг **встрепенул**ся и успел-таки быстро и ловко проскользнуть назад из сеней в квартиру* [Достоевский, 1980, с. 126];

б) неодушевленные имена существительные, представляющие собой разновидности человеческого облика, или заменяющие их местоимения: *Надменная усмешка **выдавливалась** на губах его (Рас-*

кольников) [Там же, с. 440]; *Злоба* в нем **накипала...** (Раскольников) [Там же, с. 276]; *Все это разом непонятно потрясло* и без того уже *расстроенные нервы* юноши [Там же, с. 6].

В единственной безличной конструкции в анализируемом фрагменте романа глагол эмоционального состояния употреблен в форме инфинитива в составном глагольном сказуемом в сочетании с вспомогательным глаголом *хотелось*, содержащем грамматические показатели безличной модели предложения: ***Ему хотелось смеяться над собою со злости...*** (Раскольников) [Там же, с. 64]. Такая модель безличного предложения является продуктивной, однако косвенный объект в этой модели выступает в качестве неконститутивного определителя предиката. обстоятельственная позиция при глаголе эмоционального состояния оказалась заполненной определителем со значением причины (*со злости*), выступающим в качестве неконститутивного компонента предложения.

С точки зрения наличия / отсутствия объекта личные конструкции с глаголами эмоционального состояния в составе текста делятся на объектные и безобъектные. Безобъектные конструкции функционируют при участии глаголов нецеленаправленного действия: *Все разом в нем размягчилось, и хлынули слезы* (Раскольников) [Там же, с. 538].

Объектные конструкции с глаголами эмоционального состояния функционируют при участии глаголов целенаправленного действия и могут включать как прямой объект, так и косвенный. При этом позиция прямого объекта заполняется именем существительным в вин. п. без предлога: *В то время он* (Раскольников) *и сам еще не верил этим мечтам своим и только раздражал себя их безобразною, но соблазнительною дерзостью* [Там же, с. 7].

Определители со значением прямого объекта для глаголов эмоционального состояния характерны только при отдельных единицах данной ЛСГ, в частности при глаголах *раздражить*, *потрясать*, *поражать*. Они выступают в качестве конститутивных компонентов предложения.

Позиция косвенного объекта при глаголах эмоционального состояния заполняется более активно, чем позиция прямого объекта, различными падежными словоформами, которые выступают в качестве неконститутивных определителей: *Раскольников остолбенел на одну минуту. Странно, он не очень удивился Порфирию и почти его не испугался* [Там же, с. 393]; *Неосторожность была, впрочем, явная с обеих сторон: выходило, что Порфирий Петрович как будто смеется в глаза над своим гостем...* [Там же, с. 294].

Конструкции с глаголами эмоционального состояния характеризуются включением обстоятельственных определителей образа и способа, меры и степени действия, выраженных наречиями, в единичных случаях — предложно-падежной словоформой или деепричастным оборотом: *Лицо Раскольникова омрачалось более и более* [Достоевский, 1980, с. 22]; *Что же касается до того, где достать топор, то эта мелочь его нисколько не беспокоила, потому что не было ничего легче (Раскольников)* [Там же, с. 62]; *...Выходило, что Порфирий Петрович как будто смеется в глаза над своим гостем, принимающим этот смех с ненавистью, и очень мало конфузится от этого обстоятельства* [Там же, с. 294]; *Тот засмеялся было сам, несколько принудив себя; но когда Порфирий, увидя, что и он тоже смеется, закатился уже таким смехом, что почти побагровел...* [Там же, с. 294].

Обстоятельственные определители глаголов эмоционального состояния выступают в роли неконститутивных компонентов конструкции. Обстоятельства образа и способа действия при глаголах эмоционального состояния выражены чаще всего словами, которые в своем значении выделяют семы, указывающие на образ и способ совершения действия, на меру и степень его реализации, на определенное эмоционально-волевое состояние субъекта: *смеяться в глаза, вдруг встрепенулся, усмехнулся опять, слабо улыбнулась, рассмеялся неслышно, горько-горько зарыдала, как-то развинтился, непонятно потрясло* и др. Данные обстоятельства характеризуют не только спо-

соб действия, но и субъект, его совершающий, в частности, его волевое состояние, поведенческие качества, эмоциональный потенциал.

Семантика статуальных глаголов эмоционального состояния накладывает определенные ограничения на возможности синтаксического развертывания предложений, образуемых словами группы, которое чаще происходит за счет факультативных элементов: обстоятельственных определителей образа и способа действия, меры и степени, времени и причины. Ограниченный характер имеет и лексическое замещение факультативных позиций. Наиболее вероятными для конструкций с глаголами эмоционального состояния являются те факультативные элементы, которые актуализируют типичные для изображаемого субъекта свойства характера, поведения, нравственного и эмоционального состояния.

Стоит отметить, что в позиции субъекта при глаголах данной группы вместо одушевленных личных имен выступают также существительные *лицо, слезы, сердце, дрожь* и под., которые имеют антропологическое содержание и характеризуют состояние персонажа. Такая замена имеет метонимический характер.

8. Выводы

Изучение глаголов в синтагматическом аспекте как единиц вербально-семантического уровня позволило установить грамматические модели простых предложений, в которых функционируют анализируемые глагольные единицы, и их элементарный состав: субъект, предикат, объектные и обстоятельственные определители. Синтагматический анализ показал синтаксическую значимость объектных и обстоятельственных определителей для той или иной модели глагольного предложения.

Литература

1. Достоевский Ф. М. Преступление и наказание : роман в шести частях с эпилогом / Ф. М. Достоевский ; авт. вступ. ст. К. И. Тюнькин ; худож.

В. Максин. — Ленинград : Художественная литература. Ленинградское отделение, 1980. — 560 с.

2. *Бондарко А. В.* К функциональному анализу элементов разных языковых уровней / А. В. Бондарко // Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие : доклады симпозиума, 18—22 апр. 1967 г., Институт языкознания (Москва) ; Советско-чехословацкий симпозиум по теории грамматики (1967, Москва) / ред. коллегия : В. Н. Ярцева и Н. Ю. Шведова (отв. редакторы). — Москва : Наука, 1969. — С. 246—256.

3. *Золотова Г. А.* Очерки функционального синтаксиса русского языка / Г. А. Золотова ; ред. С. Г. Бархударов ; Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз. — Москва : Наука, 1973. — 351 с.

4. *Шарандин А. Л.* Грамматические категории и лексико-грамматические классы русского глагола : диссертация... кандидата филологических наук / А. Л. Шарандин. — Воронеж, 1982. — 202 с.

© **Никандрова Инна Андреевна (2014)**, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, ГАОУ ВПО «Московский государственный областной социально-гуманитарный институт» (Коломна), nikandrova7@mail.ru.